

христианскую мораль с нормами римского права. Тем самым он способствовал превращению христианства в силу, которая фактически получила в свои руки возможность монополично, при полном содействии гражданской власти заняться перевоспитанием масс в духе христианской доктрины.

Но христианская доктрина требовала еще в значительной степени уточнения формулировок, особенно в связи с новым господствующим положением церкви. Оформление доктрины длилось до середины IX в. Не столько вера в бога и благочестие, сколько полное признание всех положений христианской доктрины считалось спасительным для души, благополучием для личности и государства. Таким оформлением доктрины, которая являлась обязательной в государстве, занялись церковная верхушка и правительство. Творцы доктрины разрабатывали ее наукообразно; в сфере вероучения они не оставляли места народной идеологии и с нескрываемым презрением относились к народным массам. Уже в ветхозаветных книгах неоднократно пастырь противопоставлялся овцам. Особенно четко это противопоставление проводилось христианской элитой — епископами, богословами: «Паси овцы моя!» Когда Златоуст вернулся после первой ссылки по настоянию народных масс в Константинополь, он в проповеди торжественно говорил: «Овцы без пастыря сами постояли за правду!» И никому не казалось обидным такое сравнение! Народ — послушное стадо. Он не имеет права выдвигать свои положения веры: «Почто мниши себя пастырем, будучи овцою?» Пастырь должен учить. Известно изречение Тертуллиана: *populus non sequendus, sed docendus est*, т. е. «за народом не нужно следовать, народ нужно воспитывать!» Общественная мысль, поставленная под контроль церкви, сделалась ее монополией. Вся жизнь страны включалась в рамки доктрины.

Христианство нуждалось в единстве. Но как раз в период окончательного оформления доктрины не было единства в верхушке христианских доктринеров, мелочных, гордых тем, что именно они действуют под влиянием божественного откровения, нетерпимых к любой поправке, любой оригинальной мысли. Споры шли о том, как понимать истину, в чем основа учения и как бороться за его чистоту против всяких извращений? Доктрина «символ веры», христологические термины выдвигались, естественно, не народными массами, а богословами, но за массами оставалось право принять или отвергнуть ту или иную доктрину. Началась демагогическая борьба за массы.

Вожди христианства понимали, какую мощную материальную силу представляет доктрина, овладевшая массами, какую страшную взрывчатую силу представляют брошенные в массы слова. Период византийской истории с IV до середины IX в. — это период демагогии как со стороны императорской власти, так и со стороны духовенства. Античная демократия давно исчезла. Полисно-муниципальное самоуправление создавало иллюзию частичной демократии. Правда, эта демократия не давала возможности широких выступлений, а была локально ограничена. Стремясь приобрести влияние в борьбе против городской верхушки, обиженной тем, что власть в городах передана чиновникам, Константин ввел так называемые «возгласы» (*acclamations*), которые дали массам возможность, главным образом во время церковных представлений, восхвалять или порицать правителя. Само собой разумеется, эти *acclamations* включали некоторые конкретные требования (протесты против дороговизны, нехватки продуктов питания, за что отвечала местная курия). «Возгласы» фактически сводили на нет муниципальное самоуправление и власть городской знати. Не случайно Либаний придавал им большое значение, подчеркивая, что они обычно организовывались правителем.

Но в гораздо более широких масштабах подобная «демократическая» политика проводилась церковью. В пору нелегального существования,